

SIBIRICA В БИБЛИОТЕКЕ ПУШКИНА

письм книг библиотеки Пушкина, составленная Б. Л. Модзалевским¹ и дополненная Л. Б. Модзалевским на основании опекунской записи 1837 года,² конечно, не вполне может свидетельствовать о круге чтения Пушкина. Прежде всего, все эти описи говорят лишь об остатках довольно большого и с большим вкусом и любовью подобранного книжного собрания Пушкина. Прав также и Д. П. Якубович, утверждавший, что «часто несохранившиеся книги могли быть (именно поэтому-то они и не сохранились—читаемое не лежит на полке-) наиболее читаемыми и изучаемыми книгами Пушкина, бравшимися им, напр., в дорогу (ср., напр., письмо Пушкина к жене от 21 сентября 1835 г), дававшимися знакомым и т. п.»³

Пушкин начал подбирать свою библиотеку еще в лицейские годы; очень усиленно пополнял ее во время ссылки; особенно же страстно коллекционировал книги в 30-ые годы, тратя на них очень большую часть своих денег и выписывая их из-за границы. Но, конечно, поэт, любивший и ценивший книги с юности не только как средство пополне-

¹ „Пушкин и его соврем.“ вып. IX—X 1910 г.

² „Литературное наследство“ № 16—18, 1934 г.

³ „Пушкин и его соврем.“ вып. XXXVII, 1928 г., стр. 110—111, примечание.

ния своего образования, расширения кругозора и заполнения досуга, но и нуждавшийся в них для работы над своими художественными произведениями, не мог ограничиться только своей книжной полкой. Чтение книг в большой библиотеке своего отца, занятия в библиотеке Лицея, пользование книгами библиотек своих друзей и знакомых (А. И. Тургенева, В. А. Жуковского, И. П. Липранди, М. С. Воронцова, С. А. Соболевского, Е. М. Хитрово, А. С. Норова и мн. др.),—все это затрудняет, хотя бы приблизительно, определить характер читанных Пушкиным книг по какой-либо дисциплине, тем более, что переписка его дает сравнительно мало данных об этом.

Однако, принимая во внимание, что книги Пушкин приобретал большею частью не с библиофильской целью, а для своей непосредственной работы—нужных книг в его библиотеке больше, чем случайных¹—они в какой-то мере отражали круг его интересов, характер его умственной жизни, служили необходимыми материалами, источниками его художественных, исторических произведений и статей. Это дает возможность, с оговорками и различными дополнениями, на основании описи сохранившихся в библиотеке Пушкина книг, составить себе представление об его интересах к определенным темам, предметам, событиям, странам.

Следует отметить, что, кроме беллетристики, среди его книг большое место занимали книги по истории и книги путешествий, главным образом, посвященных России, как на русском, так и на иностранных языках.

Многие из этих книг носят на себе следы внимательного чтения—метки и записи на страницах, закладки; о том же свидетельствуют и выписки из некоторых книг, конспекты их, отзывы о них в письмах, в статьях. Попадают среди них книги без всяких помет и даже не разрезанные, но это не может служить аргументом для доказательства того, что Пушкин не знал о содержании их—у нас

---

¹ См. об этом в статье М. Н. Куфаева, „Пушкин—библиофил. в сб. „Альманах библиофила“ Л., 1929 г.

есть свидетельства о том, что некоторые из книг он покупал уже после прочтения их в библиотеках своих друзей, о других книгах слышал и подбирал их, как необходимую часть материала для своих замыслов и будущих работ.

Серьезные занятия Пушкина русской историей велись им в Михайловском в 1824—26 гг., в связи созданием «Бориса Годунова», в дальнейшем росли все шире и глубже, и в 30-х годах привели его к работам чисто-исторического характера как напечатанных, так и незавершенных и дошедших до нас в виде черновых заметок и набросков.

Критикуя «Историю русского народа» Н. Полевого (1830 г.), он упрекал автора ее в дилетантизме; «Историю государства Российского» он ценил за то, что Карамзин основывался в своих выводах на источниках-летописях и не заменял их «своевольными догадками». Увлекаясь ранее в своих исторических занятиях лишь летописями и Карамзиным, Пушкин позднее, путем чтения ряда книг передовой западной буржуазной исторической науки, стал на высоте научной историографии 30-х годов и много выше современных ему русских историков—Карамзина, Погодина, Полевого и др.¹

Сам Пушкин любил и умел работать над первоисточниками. Таковыми являлись для него книги и архивные летописные материалы. Усиленно занимаясь в архивах и книгохранилищах Петербурга, скупая вместе с тем у книгопродавцев необходимые для его работы материалы, Пушкин не забывал заглядывать в архивы и книжные магазины, когда бывал в Москве. «Вот уже три дня как я—в Москве, и все еще ничего не сделал. Архива не видал, с книгопродавцами не сторговался»,—пишет он своей жене 5 мая 1836 г. из Москвы.

Серьезное отношение к истории как к науке, умение работать с первоисточниками, вероятно, и заставило его сов-

---

¹ О Пушкине-историке см. статью П. Попова, Пушкин в работе над историей Петра I—, Лит. Наследство, № 16—18, 1934 г. и рецензию А. Шебунина—, Пушкин. Временник Пушкинской комиссии № 2 М. Л., 1936 г. стр. 437—441.

ременника и друга А. И. Тургенева написать после смерти поэта следующие строки: «В Пушкине мы лишились великого поэта, который готовился быть и хорошим историком».¹

Среди книг по истории и географии в библиотеке Пушкина мы находим ряд изданий, специально посвященных Сибири и книг, в которых говорится о Сибири и соседних ей странах.

Интерес русского общества к Сибири усилился со второй половины XVIII века и был связан с развитием русской колонизации, усилением связи с Китаем и разработкой природных богатств Сибири. Появился ряд книг—описаний научных экспедиций в Сибирь; о ней же часто упоминалось и в многочисленной литературе путешествий. Создание сибирской беллетристики и специального журнала «Сибирский Вестник» (1818—1824), издававшегося в Петербурге, обратило внимание на Сибирь Петербурга и Москвы. В столичной литературе появились стихи, поэмы, драмы и повести, посвященные Сибири, носившие сначала характер экзотики, лишенной исторической и географической правдивости, подобно той экзотике, которая была в произведениях о Кавказе, Крыме и др. колониях России, а потом сменяемые более научным изучением этого края. Увлечение сибирской тематикой было тесно связано с империалистической политикой России.²

Материал этнографии южных колоний России, отраженный в поэмах Пушкина 1822—24 гг. вызвал в нем воспоминания и о северных колониях в их историческом прошлом. В представлении Пушкина, как и у других его современников, народы севера были так же «экзотичны», как и кавказцы, крымские ханы, цыганы и т. д. Недаром, в те же

---

¹ «Пушкин и его современники» вып. VI, 1908, стр. 59.

² См. о «Сибирике» первой трети XIX века в работах М. К. Азадовского: Сибирская литература, в «Сибирском литературно-краеведческом сборнике» № 1, Иркутск, 1928 г. и «Литература Сибирская в „Сибирской Энциклопедии“, т. II, с. 162.

годы, в черновой рукописи «Цыган», Пушкин вкладывает в уста Алеко (его обращение к сыну) следующие слова:

И я б желал, чтоб мать моя
Меня родила в чаще леса,
Или под юртой остяка,
Или в расселине утеса.

Начав «Цыган» в декабре 1823 г. в Одессе, Пушкин окончил эту поэму в Михайловском 10 октября 1824 г. В Михайловском вопросы этнографии уже отходят на задний план, а на переднем оказываются интересы исторические, связанные с пристальным изучением источников в работе его над «Борисом Годуновым». В том же Михайловском, в январе-феврале 1825 года, Пушкин записывает: «Воображаемый разговор с Александром I», который заканчивает следующими словами Александра I о Пушкине: «Но тут бы Александр Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего (хотя отчасти справедливого), я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму Ермак или Кочум... размером с рифмами».

Ермак Тимофеевич, атаман донской казачьей вольницы, покоритель «Сибирского царства», положивший начало завоеванию Сибири, был неоднократно воспеваем в русской литературе конца XVIII начала XIX вв., что весьма поощрялось правительством. Скудость и неопределенность биографических данных о нем в то время предоставляли широкие возможности фантазии поэтов. Пушкин знал стих. И. И. Дмитриева «Ермак (1794 г.), напечатанное в книгах И. И. Дмитриева «И мои безделки» М., 1795 г. и «Стихотворения И. И. Дмитриева» в 2-х частях. Изд. 6-е, СПб., 1822—23 гг. (см. опис. Б. Модз. №№ 126, 127, 128). Последнюю книгу Пушкин получил, повидимому, от П. А. Вяземского, написавшего статью к этому изданию под заглавием «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», в письме к которому от 4 ноября 1823 г. Пушкин, давая общую уничтожающую характеристику творчеству И. И. Дмитриева,

писал: «Ерм(ак)—такая дрянь, что мочи нет».¹ С заглавием: «Ангел смерти. Отрывок из поэмы о Ермаке» и упоминанием его имени в вступлении к поэме «Бова» Пушкин встречался в «Собрании оставшихся сочинений» А. Радищева, М., 1811, ч. IV (см. опис. Б. Модз. № 309). Там же он читал и «Сокращенное повествование о приобретении Сибири (отрывок)», где также было написано о Ермаке. Можно не сомневаться в том, что Пушкин читал стихотворение своего друга А. А. Шишкова 2-го под заглавием «Ермак», напечатанное в «Новостях Литературы» за 1825 г. кн. XI, январь, стр. 41—48, хотя в библиотеке его эта книга и не сохранилась. Возможно, что Пушкин знал и другие произведения и статьи о Ермаке, появившиеся в печати до 1825 г., но в числе книг Пушкина они не значатся.² Не сохранились в библиотеке Пушкина и книги К. Ф. Рылеева «Думы», изд. 1825 г. и «Войнаровский», изд. 1825 г., подаренные Пушкину самим автором и полученные им в марте—апреле 1825 года, но читанные им в отрывках еще ранее, в различных журналах (см. письмо его к П. А. Вяземскому от октября—ноября 1823г.).

В «Думах» было напечатано стихотворение «Смерть Ермака», за представление которого в Общество Любителей Российской Словесности в 1821 году, Рылеев был переименован из членов-сотрудников в действительные члены; оно же впоследствии получило широкую известность в читательской среде в качестве песни. Посылая Пушкину свои «Думы», Рылеев писал 10 марта 1825 г.: «Знаю, что ты не жалуешь мои Думы, несмотря на то я просил Пушкина и их переслать тебе. Чувствую сам, что некоторые так слабы, что не следовало бы их и печатать в полном собрании. Но зато

---

¹ Кстати в альманахе „Полярная Звезда за 1825 год“, сохранившемся в библиотеке Пушкина, напечатана гравюра „Из Ермака Дмитриева (Рисовал И. Иванов, гравировал М. Иванов)“.

² См. библиографию художественных произведений о Ермаке в первую треть XIX в. в книге В. И. Маслов, Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, Киев, 1912 г., стр. 194—196 и его же Лит. деят. К. Ф. Рылеева. Дополнения и поправки, Киев, 1916 г., стр. 36—37.

убежден душевно, что Ермак, Матвеев, Волынский, Годунов и им подобное хороши и могут быть полезны не для одних детей». Основным источником образа Ермака Рылеева был девятый том «Истории Государства Российского» Карамзина. Поэма «Войнаровский» заслужила высокую оценку Пушкина за «повествовательный слог», за то, что «Войнаровский полон жизни», «нужен для нашей словесности» и т. д. В поэме Пушкин мог прочесть многое, что должно было вызвать интерес его к Сибири, потому что довольно верное изображение пейзажей этой страны и этнографии ее были основаны на вдумчивом изучении описаний путешествий и других исторических источников. Исторические образы Войнаровского и Миллера, примечания, дающие объяснения местных выражений и географии, биография Миллера, приведенная в примечаниях и, наконец, исторический очерк А. Бестужева «Жизнеописание Войнаровского» придавали историческую правдивость всему, что изображалось в поэме и это, конечно, нравилось Пушкину и заставляло вчитываться в текст. И Пушкин читал «Думы» и особенно «Войнаровского» очень внимательно, о чем свидетельствует письмо Рылеева Пушкину от 12 мая 1825 г.: «Дельвиг пересказал мне замечания твои о Думах и Войнаровском». Экземпляр поэмы Пушкин возвратил автору с детальными замечаниями на полях, судя по письму к Пушкину Рылеева от начала июня 1825 года. Образы героев исторической поэмы витают над Пушкиным и они связаны именно с Сибирью. В это же время Пушкин читает и IX том «Истории Государства Российского» Карамзина 3-е изд., М., 1820 (см. опис. № 178), глава VI которого вся посвящена завоеванию Сибири Ермаком, его передвижению по Сибири, удачам и неудачам его властвования в этой стране и, наконец, его гибели. Изложенная по летописям, особенно по так называемой Строгановской летописи, «Летописи о Сибирской стране и о взятии Сибири», предоставленной автору Гр. Спасским, эта глава сообщала много интересных подробностей и об этой стране и об Ермаке. Ермак изображался как неустрашимый искусный герой «родом неизвестного, душою знаменитого»; его завоевание Сибири приравнивалось к за-

воеваниям Мексики и Перу, когда «горсть людей, стреляя огнем, побеждала тысячи, вооруженные стрелами и копьями»: а в управлении покоренными народами он «оказал необыкновенный разум и в земских учреждениях и в соблюдении воинской подчиненности», вызвавшие полное доверие в «диких» людях к новой власти.

Поэтому «Воображаемый разговор с Александром I», в котором упоминаются Кучум и Ермак, не случайно перемежаются с исторической драмой «Борис Годунов» и немудрено, что такой интересный сложный образ воина и человека был особенно привлекателен для героя исторической поэмы, основанной на источниках, а не на фантазии поэта, порождавшей псевдо-исторические образы, как, напр., в стихах Дмитриева и других.

«Я жду от вас эпической поэмы. Тень Святослава скитается не воспетая, писали вы мне когда-то. А Владимир? а Мстислав? а Донской? а Ермак? а Пожарской? История народа принадлежит Поэту»,—писал Пушкин Н. И. Гнедичу 23 февраля 1825 года из Михайловского.¹

Но для осуществления своего замысла, Пушкину не хватает, повидимому, материала и 23 апреля 1825 года он пишет брату, чтоб тот прислал ему «Сибирский Вестник в е с ь». «Сибирский вестник» был доставлен Пушкину и сохранился в его библиотеке полными комплектами за годы 1818, 1819, 1820, 1821, 1822 и 1824. (См. опис. № 506).

Журнал «Сибирский Вестник» издавался Гр. И. Спаским² в Петербурге с 1818 по 1824 гг. (с. 1825 по 1827 гг. он

---

¹ Интерес к сюжетам из русской истории у Пушкина был и ранее как последствие работы над псевдо-исторической поэмой „Руслан и Людмила“. Сохранились черновые заметки и планы из жизни Изяслава, Мстислава, Ярослава и Владимира, набросанные им в Кишиневе (1822—23 гг.).

² Кстати, Пушкин обращался с письмом и к Г. И. Спасскому (историку Сибири, члену—корреспонденту Ак. Наук по разряду вост. словесности и древностей) с просьбой достать ему рукопись П. И. Рычкова „Касающийся времени Пугачева“. Письмо это относится к июню—июлю 1833 г.—времени поисков Пушкина материалов для работы над „Историей Пугачева“. Ответ Г. И. Спасского до нас не дошел, но рукопись от него Пушкин получил (см. примеч. его к третьей главе „Ист. пугач. бунта.“)

стал выходить под заглавием «Азиатский Вестник»). В этом журнале был ряд сведений о географии, быте, нравах, экономике, искусстве и т. д. современной Сибири, а кроме того, и «собрание сведений о Сибири и странах, сопредельных с оной» — изображение исторического прошлого Сибири, Камчатки, Китая, которое давалось путем печатания отрывков из летописей, описаний путешествий XVII—XVIII вв., воспоминаний и т. п. источников. Среди исторических памятников, конечно, первое место занимали сообщения о покорении Сибири, о «герое» Ермаке — «сего хотя низкого по происхождению, но великого по подвигу своему человека» (см. «Картина Сибири» — ч. 1 1818 г.), о «диком» Кучуме, о завоевании русским правительством «Сибирского царства». Пушкин читал там выписки из летописей сибирских: // «Строгановской» XVII века (ч. XIV 1821 г.); рукописи Ильи Черепанова XVII в. (ч. XIV 1821 г.); летописи Саввы Есипова XVII в. (ч. I 1824 г.). Конечно, Пушкина эти первоисточники привлекли более всего. Тут же он видел и гравированный портрет (псевдо-исторический) «Ермак, покоритель Сибири», которым открывалась первая часть журнала за 1818 г.; читал отрицание подлинности этого портрета А. Н. Олениным на страницах этого же журнала (ч. XIV, 1821 г.), мог рассматривать карту похода Ермака в Сибири (ч. IV 1818 г.). «Сибирский вестник» просматривался К. Ф. Рылевым во время его работы над «Смертью Ермака» и «Войнаровским» и отсюда мог о нем слышать и Пушкин. Но, конечно, он читал и хвалебный отзыв об этом журнале в «Московском Телеграфе» за 1823 г. № 3 (февраль), стр. 251: в статье «Обозрение Русской Литературы» в 1824 году (окончание):⁹

«Счастливая мысль г-на Спасского — издавать журнал, в котором бы помещалось все изображающее нам Сибирь и Азию, в отношении ее к России — конечно нашла одобрение в нашем Отечестве, ибо г-н Спасский и в прошлом году продолжал издание Сибирского Вестника; а разнообразие и важность статей сего журнала доказывают, что Сибирь богата не одним золотом, но и любопытными явлениями природы и общества. В течение семи лет (с 1818 года) г-н Спасский сообщил читателям множество драгоценных исто-

рических и географических отрывков и описаний. В прошлом году, при книжках Сибирского Вестника, прилагаемы были отдельные листы географического и статистического описания Сибири и ее островов, со всею подробностью составляемого г-м Спасским из верных и избранных источников».

Все это вместе взятое говорит за то, что у Пушкина было серьезное намерение написать эту поэму, и не спроста, а на основании каких-то определенных сведений в середине января 1826 года, Е. А. Баратынский писал Пушкину: «Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму «Ермак». Предмет истинно поэтический, достойный тебя. Говорят, что когда это известие дошло до Парнаса, и Камоэнс вытаращил глаза. Благослови тебя бог и укрепи мышцы твои на великий подвиг». Оценка современниками именно с этой стороны замысла Пушкина очень характерна. Они ждали от него восхваления колониальных завоеваний России, как сделал это Камоэнс, португальский поэт, воспевавший в своей поэме «Лузиады» путешествие Васко-де-Гама в Индию (1497 г.). Но замысел этой поэмы так и не был осуществлен.

Позднее Пушкину стали известны отрывки из трагедии А. Хомякова «Ермак», напечатанной в «Московском Вестнике» за 1828 г. ч. VII, 1829 г. ч. I и в альманахе «Денница» 1830 г., (книги эти сохранились в его библиотеке, см. опис. Л. Модзалевского). Есть вероятность, что он знал и другие произведения об Ермаке, напечатанные после 1825 г., хотя они в описи библиотеки его и не значатся.¹

Свидетельством того, что интерес Пушкина к этому образу не умер почти до конца его жизни, может служить письмо В. Д. Соломирского к Пушкину от 17 июля 1835 г., являющееся ответом на недошедшее до нас письмо Пушкина: «Ты просил меня писать тебе о Ермаке. Предмет, конечно, любопытный: но, помышляя о поездке для розысков

---

¹ Можно указать из них: Ермак, завоеватель Сибири. Историческая повесть. Соч. И. Д. Изд. 2-е. М. 1827; Ермак. Стих. А. М.—„Северная Лира на 1827 год“: Покорение Сибири. Драматическая поэма Трилуного—„Атенея“ 1829 г. ч. IV и др.

сего воителя, я досель сиюю дома».¹ Повидимому, Пушкин просил Соломирского добыть ему какие-то точные и достоверные сведения об этом полудеиданрном герое.

В библиотеке Пушкина находилса целый ряд книг путе- шествий и исследований, в которых говорилось о Сибири. Многие из них он приобретал в связи со своими историче- скими работами о Пугачеве, о Петре I и др., некоторые, возможно, и с библиофильской целью, как книги, довольно редкие уже в то время. Но интерес к Сибири сохранилса в нем и в последние годы его жизни, о чем свидетельствуют и вышеприведенное письмо к Соломирскому и черновые наброски предполагаемых статей. Это дает право предпо- ложить, что некоторые из этих книг приобретались им и со специальной целью изучения Сибири.

С монголами Пушкин познакомился в работах «История монголов. От древнейших времен до Тамерлана». Перевод с персидского СПб., 1834 г. (см. опис. № 165); Иакинфа Би-

---

В. Д. Соломирский—хороший знакомый Пушкина, служивший в артиллерии, потом перечислившийся на гражданскую службу. Известна в 1827 г. его несостоявшаяся дуэль с Пушкиным, кончившаяся примирением и дружественной пирушкой (см. об этом М. И. Семедовский „К биографии Пушкина“—„Русс. Вестн.“ 1869 г., № 11 и Н. Лернер „Несостоявшая дуэль Пушкина в 1827 году“. „Русс. Стар.“ 1907, № 7. Соломирский также писал стихи, повидимому, весьма слабые (см. напр. об этом в статье П. М. Устимович „Анна Алексеевна Ардро“—„Русс. Стар.“ 1890 г. № 7—9). В 1831 году из Троицкосавска он сообщил одному из своих приятелей, что он „написал обозрение торговли России с Китаем; составил проект новых правил, коими наше купечество должно впредь руководствоваться, доказав прежде безрассудную неосновательность ныне существующих. Недавно кончил историческое обозрение Монголо-Бурятского духовенства для которого ныне занимается составлением особенного устава; сверх того написал свои путевые записки“ („Щукинский сборник“, вып. VI, стр. 421). В протоколах конференции Академии Наук за 1833 г. сохранились сведения о его путешествии с бароном П. Я. Шиллингом—фон—Канштадтом по Иркутской губ. В бытность свою в Иркутске Соломирский сошелся с П. А. Словцовым, знаменитым историком Сибири, о котором он рассказывал в этом же письме к Пушкину и передавал ему мнение Словцова о поэте (см. ниже). Неудивительно, что именно к этому образованному петербургскому „Сибиряку“, имеющему среди своих знакомых много сибирских старожиллов, обратился Пушкин с просьбою собрать ему материалы об Ермаке.

чурина «Историческое обозрение Ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени». СПб., 1834 г. (см. опис. № 167). С последней книгой поэт познакомился еще в рукописи, во время работы над «Историей Пугачева»; в ней он встречал упоминания о нападении калмыков на пределы Сибири, бегстве калмыков в Китай и т. д. Пушкин знал и статью И. Бичурина «Байкал (письмо к О. М. Сомову)», напечатанную в «Северных Цветах на 1832 год» и содержащую описание путешествия его из Иркутска к Байкалу в 1831 году. Рукопись ее даже сохранилась в архиве Пушкина. Ранние упоминания о Сибири (XIII века) мы находим в книге «Любопытное путешествие монаха францисканского Ордена Жана дю План Карпина, посланного в 1246 году в достоинстве Легата и Посла от Папы Иннокентия IV к Татарам, и заключающее в себе достоверные известия о тогдашнем в Европе и Азии могучестве Татар» и т. д., изданной в Москве в 1800 году. (См. опис. № 287).

Книга Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» сохранилась в библиотеке Пушкина в двух изданиях:—парижском 1836 года в двух томах и лондонском 1831 г. в двух томах (см. опис. № 856 и 857), в неразрезанном виде, но он, конечно, читал ее ранее и знал описание путешествия Робинзона от Аргунска через Нерчинск в Тобольск, написанное Дефо на основании сведений о Сибири, почерпнутых им из европейской литературы и картографии конца XVII—начала XVIII века.

Работа над «Полтавой» и «Медным всадником» и над историей Петра I, вероятно, и побудила Пушкина приобрести ряд книг, связанных с описаниями путешествий дипломатических миссий в различные восточные страны во время царствования Петра I, в частности, путешествия посольства Измайлова, отправленного в Пекин ко двору императора Кан-си в 1719 году, проездом через Сибирь. Эти книги: Дюма^{ль} Белль д'Антермони, в парижском издании, 1766 г. в трех томах—«Путешествие из Петербурга в различные области Азии, в Пекин, в свете посольства, отправленного Петром I к императору китайскому Кан-си, в Испанию» и т. д., с приложением описания Сибири и Джо-

на Барро, в парижском издании. 1805 г., в трех томах—«Путешествие в Китай, служащее дополнением путешествия лорда Мекертнея», с приложением реляции посольства, отправленного Петром I в Пекин в 1719 году (см. опис. №№ 591 и 581).

Тем же интересом к Петру и его эпохе можно объяснить и появление в библиотеке Пушкина книги И. К. Кириллова, под заглавием «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий» и т. д., изданная в СПб. 1831 году, в двух томах (см. опис. № 186). Книга этого знаменитого деятеля, географа, статистика и картографа петровской эпохи представляет собой статистический свод официальных сведений, имевшихся в сенате, коллегиях и канцеляриях, написанный еще в 1727 году. Во втором томе имеется статистика Сибирской губернии (стр. 100—103), причем им предшествуют заметки о «Сибирском царстве», завоевании его Ермаком, «о царях сибирских, о которых в Истории Сибирской, изложенной в 1745 году сентября 1 дня написано» и об истории открытия Камчатки. История завоевания Сибири изложена И. Кирилловым по «Степенной Книге» и «Сибирской истории» 1637 года. Возможно, что эти заметки могли остановить на себе внимание Пушкина. Книгу эту Пушкин получил от издателя ее М. П. Погодина в июне 1831 года: «Сердечно благодарю Вас и за письмо и за Старую Статистику. Я получил все экземпляры вчера из Пб.», писал Пушкин М. П. Погодину (конец июля 1831 г.). Книга была очень раскритикована Полевым в «Московском Телеграфе» 1825 г., на что Погодин отвечал в «Телескопе» 1831 г. № 15.

Нет никаких данных для утверждения, когда именно был приобретен Пушкиным один из наиболее значительных трудов о Сибири в XVIII веке Герарда-Фридриха Миллера «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала и особливо от покорения его Российской Державе по сии времена» кн. I, СПб, 1750 г. (см. опис. № 239). Эта работа была широко известна современникам Пушкина, равно как и имя ее автора—знаменитого историка, картографа Сибири, участника экспедиции Академии

Наук в Сибирь в 1733—43 гг., во время которой Миллер вел подробнейшие записи по истории и географии городов, заметки о нравах, быте, вере, языке и искусстве народов Сибири. «Заслуги Миллера по нашей истории более или менее известны всякому образованному россиянину. Излишне было бы исчислять его сочинения», писал К. Ф. Рылеев в примечаниях к своей поэме «Войнаровский». Пушкин, вероятно, уже хорошо знал книгу Миллера во время рецензирования им поэмы «Войнаровский» Рылеева в мае 1825 года. В ответ на замечания Пушкина на полях экземпляра этой поэмы (книга эта, к сожалению, до нас не дошла), Рылеев писал: «Благодарю тебя, милый чародей, за твои прямодушные замечания на Войнаровского—ты во многом прав совершенно; особенно говоря о Миллере. Он точно ~~истукан~~ истукан. Это важная ошибка. Вложив в него верноподданические филиппики за нашего Великого Петра, я бы не имел надобности прибегать к хитростям и говорить за Войнаровского для Бирюкова». О Миллере Пушкин упоминал в наброске статьи 1836 г. о Шаппе д'Отроше (см. ниже), и о «бумагах Миллера»—в письме к П. А. Вяземскому во второй половине марта 1830 г.

Увлечение на Западе географическими открытиями, связанными с поисками новых торговых путей, вызвало появление книги Г. П. Мюллера, также имевшейся в библиотеке Пушкина (опис. № 1197), под названием: «Путешествия и открытия, сделанные русскими по берегам Ледовитого Моря и Восточного Океана по направлению Японии, а также Америки. С приложением истории реки Амура и прилежащих стран со времени покорения их русскими» и т. д. Пушкин имел эту книгу не в подлиннике, а в переводе ее с немецкого на французский и изданной в Амстердаме в 1766 году.

Большой интерес Пушкин проявил к известной книге Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь», имевшейся у него во 2-м издании, напечатанном в Амстердаме в 1769 г. (опис. № 726), а также к книге, написанной Шаппу в ответ Екатериной II под заглавием: «Антидот, или критический разбор плохой книги, роскошно изданной, под заглавием

Путешествие в Сибирь... аббата Шаппа д'Отроша», изданной в 1771 году на французском языке в Москве в двух томах, хотя на книге местом издания был обозначен г. Амстердам (опис. № 547). Сочинение Шаппа д'Отроша прославилось своими резкими и пренебрежительными отзывами о России, как дикой и варварской стране. Книга эта послужила поводом для довольно продолжительной полемики, повысила интерес к Сибири, заставила высказаться о ней Вольтера, Руссо и др., а также вызвала сильное раздражение в Екатерине II, искавшей человека, который бы написал опровержение. Обращение ее к иностранцу Вильеру не увенчалось успехом; Г. Ф. Миллер и И. Н. Болтин, к которым она обратилась, тоже не выполнили ее поручения, и она сама написала ответ. На обеих книгах имеется надпись «Н. Ганчеров». Повидимому, они принадлежали к числу книг, полученных Пушкиным из библиотеки Гончаровых из Яропольца в 1833 г., о которых он писал своей жене от 26 августа 1833 года: «Я нашел в доме старую библиотеку, и Нат. Ив. позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с вареньем и наливками. Таким образом набег мой на Ярополець был вовсе не напрасен».¹ В книге Шаппа вложено много закладок между страницами, что свидетельствует о внимательном чтении ее Пушкиным. Действительно, в черновых бумагах его сохранился черновой набросок статьи 1836 года, предназначавшейся для журнала «Современник». Приводим здесь этот отрывок полностью:

---

¹ В своих воспоминаниях «Мое знакомство с Пушкиным (отрывки из моей памяти», Л. Обер утверждает, что он видел в ящике с книгами у Пушкина, остановившегося в Москве еще в 1829 году (?), «сочинение парижского академика» *Voyages de Chappe d'Auteroche en Russie et à la Tobolsk en Sibirie pour observer le passage de Venus sous le disque du Soleil* 1765». На первом листе было написано: Au Marechal Mortier, Moscou, 1812». Л. Обер подарил Пушкину из своей библиотеки атлас к этому сочинению, принадлежавший ранее тому же маршалу Мортье, в обмен на другую книгу. («Венок на память Пушкину», СПб, 1880 г., стр. 341). Ни книги, ни атласа в библиотеке Пушкина не сохранилось.

«В числе иностранцев, посетивших Россию в прошедшем столетии Шапп д'Отрош заслуживает особенное внимание. Он был послан французскою Академиею Наук для наблюдения в Тобольске перехода Венеры по солнцу, долженствовавшего совершиться <26 мая> 1761 года.—Аббат выехал из Петербурга <10> марта и <10> апреля прибыл в Тобольск, где и остался до <июля>».

В <1768 году> аббат напечатал свое путешествие, которое смелостью и легкомыслием и сильно оскорбило Екатерину.—[Она сама решилась опровергнуть ложное] <и> неблагонамеренное и велела Миллеру и Болтину отвечать Аббату.¹

Занимаясь «Историей Пугачева» в 1833 году, Пушкин предпринял поиски рукописей и книг как в государственных архивах и книгохранилищах, так и в частных рукописных и книжных собраниях, связанных с темой его работы. Много книг в это время он приобрел и для своей библиотеки, в частности, к ним относится 5 выпусков «Полного собрания ученых путешествий по России, издаваемого Императорскою Академиею Наук, по предложению ее Президента, с примечаниями, изъяснениями и дополнениями». Эти книги, явившиеся результатом экспедиции Академии Наук в 1768—1772 гг., главным образом, заключали в себе данные по географии, этнографии и истории Оренбургской и Уральской губерний, почему Пушкин их и купил, но в них попадает ряд известий и о Сибири. Сведения по географии края, этнографии и фольклоре сибирских народов мы имеем в т. V «Окончание Записок Путешествия Академика Лепехина»,² изданном в 1822 г. (опис. № 301), в четвертой части которого находится описание его «Путешествия от Тюменя до города Архангельска». О природе края, главным образом, о ботанике писал Иоганн Петер Фальк в т. VI: «Записки Путешествия Академика Фалька», изданные в 1824 г.,

---

¹ Угловыми скобками обозначен, зачеркнутый Пушкиным, текст; ломаными—редакторские вставки в недописанные Пушкиным слова, обозначенные в тексте Пушкина точками.

² <см. на стр. 90.>

в первой части которого говорится о «Путешествии от С.-Петербурга до Томска» (опис. № 302).

К тому же роду ученых записок, бесстрастно и последовательно излагающих, в порядке маршрута, особенности местностей, принадлежат и три книги Петра Симона Палласа, выдающегося естествоиспытателя, одного из руководителей экспедиций Академии Наук, которые вышли в Петербурге сначала на немецком, (1771—1776 гг.), а потом на русском языках (1773—1789 гг.). У Пушкина имелось второе, русское издание его «Путешествий по разным местам Российского Государства по повелению Санктпетербургской Императорской Академии Наук», посвященного, главным образом, Оренбургской и Уральской губерниям, но во втором томе описания его путешествия 1770 года имеются сообщения о физической и экономической структурах Сибири (опис. № 276).*

В 1733 г., вместе с Гмелиным и Миллером в камчатскую экспедицию Академии Наук, был отправлен студент С. П. Крашенинников, который провел три года в Сибири, а в 1736 г. один поехал на Камчатку, объездил весь полуостров и написал книгу, замечательную по богатству сведений, точности и серьезности описания «Описание земли Камчатки». У Пушкина была эта книга во втором издании 1786 г., в 2-х томах (опис. № 200). В черновых набросках Пушкина сохранились заметки-конспект этой книги: записи по истории открытия Камчатки под заглавием «Камчатские дела (от 1694 до 1740 года)» и, наконец, план и набросок начала статьи о Камчатке. Тексты эти датированы январем 1837 года. Повидимому, только смерть остановила намерение поэта написать статью о Камчатке. Судя по начальным строкам статьи, Пушкин намеревался в героических красках описать завоевания Россией Северных стран.

к снр.
89. ¹ О Лепехине Пушкин упоминает в своей статье „Российская Академия“ (1836 г.); о Палласе и Фальке Пушкин, вероятно, читал в Сибирском Вестнике за 1819 г. ч. VI и 1821 г. ч. XIV.

Был у Пушкина и второй томик книги Григория Шелехова, знаменитого путешественника, ездившего с торговыми целями в конце XVIII века к Америке, к берегам Японии, на Камчатку, открывший ряд островов в Тихом океане, положивший¹²⁰ основание русским колониям в Америке, являвшийся основателем Российской-Американской Кампании. В длинном названии этой книги говорится и о содержании ее: «Российского купца Григория Шелехова продолжение странствования по восточному Океану и Американским берегом в 1788 году. С обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов, до коих не достигал и славный Аглинский мореходец капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, также климат, годовые перемены, звери, домашние животные, рыбы, птицы, земные произрастания и многие другие любопытные предметы, там находящиеся, что верно и точно описано им самим», изд. 1792 года (опис. № 425).

Из собрания сочинений А. Радищева 1807—1811 гг. М., в 6-ти книгах (опис. № 309) Пушкин узнал о Сибири конца XVIII века, а именно, в его статьях «Сокращенное повествование о приобретении Сибири (отрывок)», «Письмо о Китайском торге» (1792 года); об Ермаке он упоминает также во вступлении к поэме «Бова».¹

В своей большой статье «Радищев», написанной для третьего тома «Современника» 1836 г., цензурой не допущенной к печати до 1857 года, Пушкин писал и о сибирском периоде жизни Радищева: «В Илимске Радищев предался мирным литературным занятиям. Здесь написал он большую часть своих сочинений; многие из них относятся к статистике Сибири, к Китайской торговле и пр. Сохранилась его переписка с одним из тогдашних вельмож (гр. Во-

---

¹ Старший сын Радищева, в описании жизни отца своего в Сибири, пишет: «Там же написал он „Письмо о китайском торге“ и историческую повесть „Ермак“, но ни того, ни другого сочинения не кончил, а из последнего оставил только небольшие отрывки». („Русс-Стар.“ 1872 г. № 11. стр. 580).

ронцовым); который может быть, не вовсе был чужд изданию Путешествия». Тут же он цитировал вступление к «Бове».¹

На книжной полке Пушкина стояла и книга авантюриста графа Мориса Августа Беньовского «Путешествие и мемуары...», содержащая в себе рассказ о военных действиях в Польше, о ссылке его на Камчатку, об его освобождении и т. д., изданная в двух томах в Париже в 1791 г., вызвавшая большой интерес в европейском обществе и породившая много романов, повестей и драм на различных языках (опис. № 596).

За свою драму «Граф Беньовский или заговор на Камчатке» 1795 года, признанную «вредною в отношении политическом», Август-Фердинанд Коцебу был сослан в Тобольск, а оттуда—в Курган. Описание своей жизни там он напечатал в книге «Достопамятный год жизни Августа Коцебу, или заточение его в Сибирь и возвращение оттуда, описанно им самим». У Пушкина эта книга была в двух экземплярах: парижском издании 1802 года (опис. № 1050) и русском—1816 года, переведенном с берлинского издания 1801 года (опис. № 195). Личность реакционера Коцебу, равно как его романы и драмы, внушала антипатию Пушкину и писателям его круга. Об убийстве Коцебу Пушкин писал в своем стих. «Кинжал»; его произведения в письмах он называл «коцебятиной», а в статье «О Байроне» 1827 года прозу Коцебу он считал «уродливой и надутой».

Пушкин знал и книгу капитана Кочрена (Кохрена) «Рассказ о пешеходном путешествии сквозь Россию и Сибирскую Татарию от границ Китая к Ледовитому Океану и Камчатке», в лондонском издании 1824 года, в двух томах (опис. № 756). Об этом путешествии Пушкин читал еще ранее в различных журналах: статью В. Берха «Английский

---

¹ Еще ранее, в письме к А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 г. из Кишенева он писал о Радищеве: „Покамест жалуясь тебе об одном: как можно в статье о Русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание не простительно ни тебе, ни Гречу,—а от тебя его не ожидал“.

капитан Кохрен, путешествующий через Сибирь в Америку» в «Сыне Отечества» за 1820 г. LXIII № 73; письмо о нем из Бухаринской крепости А. Михайлова—там же, L XV; статью «Путешествие английского флота капитана Кохрена пешком из Санктпетербурга в Камчатку» в «Московском телеграфе» 1825 г., ч. I, № 1.

Один из лицейских товарищей и друзей Пушкина—Ф. Ф. Матюшкин служил во флоте и в 1820—24 гг. принимал участие в работах по описанию берегов Ледовитого океана и Восточной Сибири, под начальством барона Ф. Врангеля. В альманахе «Мнемозина» за 1824 г. были напечатаны его письма к директору лицея Е. А. Энгельгардту с описанием этого путешествия, которые Пушкин читал (см. опис. № 448) и в своем стих. «19 сентября 1825 г.» он посвятил Матюшкину следующие строки:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?¹

В книге «Очерк Всемирной Географии» Мальт-Брюна, изданной в 4-х томах в Брюсселе в 1829 г. (опис. № 1126) Пушкиным были разрезаны страницы, посвященные Сибири.

В библиотеке Пушкина была и «сибирская» литература—произведения писателей-сибиряков, большею частью. повидимому, подаренные ему самими авторами.

Трудно сказать, как попали в библиотеку Пушкина «Стихотворения Панкратия Сумарокова» СПб, 1832 (опис. № 378)—поэта XVIII века, сосланного в Сибирь, одного из главных деятелей тобольского литературного кружка, основателя журналов «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» и «Библиотека ученая»... (1793—95 гг.). В библиотеке Пушкина была и книга его сына: «Повести и рассказы Петра Су-

---

¹ Кстати, в „Атенее“ за 1828 г. ч. V, он мог читать статью „Об организации народов, обитающих близ Северного полюса“. (Из Гердера. И. Данилевского).

марокова» М., 1833 г., (опис. № 379). Вероятно, книги эти были высланы Пушкину сибиряками, потому что, по свидетельству Н. Загоскина,¹ в 30-ые годы имя Пушкина в Сибири было хорошо известно.

Из тобольцев Пушкину хорошо был знаком П. П. Ершов и его книга «Конек-Горбунок. Русская сказка», в 3-х частях, СПб., 1834 г. (опис. Л. Модз.), была, конечно, подарена поэту самим автором. На фоне некоторых резких и уничтожающих отзывов об этой сказке при появлении ее впервые в «Библиотеке для чтения» 1835 г., для Ершова особенно радостной была восторженная встреча ее Пушкиным, который даже помог молодому поэту выправить ее текст. Пушкин, в то время сам работавший над сказками, по свидетельству самого Ершова, сказал ему: «Теперь этот род сочинения можно мне и оставить». Он собирался помочь Ершову в осуществлении многотиражного массового иллюстрированного издания этой сказки, которое не было выполнено из-за недостаточности средств автора и по случаю смерти Пушкина.²

В библиотеке Пушкина сохранилось лишь одно издание произведений П. А. Словцова, знаменитого историографа Сибири, исколесившего ее вдоль и поперек, а именно, «Похвальное слово царю Иоанну Васильевичу IV» СПб., 1807 г. (опис. № 357), написанное им еще до ссылки в Сибирь. Но Пушкину, конечно, были хорошо известны его статьи, разбросанные по различным газетам и журналам: «Письма из Сибири», печатавшиеся в «Московском Телеграфе» в продолжение 1826—29 г.; там же в 1831 г. ч. 40, № 13, 14—«Тобольск в разных отношениях» (отд. изд. в 1834 г.); «Вопросы Иркутска» в «Вестнике Европы» 1822 г. ч. 126 № 17—18 и там же «Тень Чингисхана»; ряд статей в

---

¹ Н. Загоскин. «Когда в Иркутске познакомились с Пушкиным. (Из юношеских воспоминаний)»—«Восточное Обозрение» 1899 г. № 110.

² См. А. К. Ярославцев, П. П. Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок» СПб., 1872, стр. 23 и др., а также М. Азадовский, «Пушкинские строки в „Коньке-Горбунке“»—«Пушкин. Временник пушкинской комиссии» Акад. Наук. 1936 г. № 2.

«Сибирском Вестнике» и «Казанских Известиях», которые были у Пушкина (опис. № 476) и мн. др. Кстати, в «Письмах из Сибири», описывающих его путешествие от Иркутска до Якутска, от Тобольска до Березова, есть критический разбор Строгановской Сибирской летописи, изданной Г. И. Спасским в 1821 г., о которой шла речь выше. О личности П. А. Словцова Пушкин слышал также из письма своего приятеля В. Д. Соломирского от 17 июля 1835 года, познакомившегося с историком в Тобольске, когда тот уже жил там на пенсии.

Письмо это является очень любопытным во многих отношениях: оно говорит о степени популярности имени Пушкина в Сибири 30-х годов, интересно как мнение известного сибиряка о великом поэте и свидетельствует о фактах популяризации имени Пушкина его друзьями в различных уголках России. Поэтому приводим его почти полностью: «На-днях у меня обедало человек пять моих приятелей. В числе гостей был Петр Андреевич Словцов, старец знаменитый, сын Сибири; он соученик и бывший друг Сперанского, богатый умом, познаниями, правдолюбием и нечастиями, Словцов должен жить в памяти русских, или, лучше человечества, ^{за-ме} даже жизнь одного мудреца несравненно поучительнее жизни сотни воинов. Другой гость, (ибо должно тебя с ним познакомить) человек, достигший богатства и чинов собственным умом и дельностью, образованный старинной школой и твердый в своих правилах. Меня же ты знаешь. Говоря о словесности, заговорили о тебе, и мой богатый гость старинной школы восстал на тебе со всею силою классицизма и педантизма. Я, вопреки моим мнениям, взял твою сторону, и дело пошло на голоса. Словцов сказал: «Сочинения Пушкина должны читать для роскоши ума; везде, где я встречаю произведения его пера, я их пробегаю с жадностью». Полагая, что такой отзыв человека, подобного Словцову, для тебя приятнее и занимательнее мнения наших полусловесников, я поставил себе приятною обязанностью сообщить тебе оное. Прение продолжалось. Словцов согласился, что род твоих сочинений мог бы быть возвышеннее, но—говорил он—гении свое-

вольны. Наконец, так как общее мнение было на твоей стороне, я, чтоб совершенно победить сопротивника, предложил гост за твое здоровье, с тем, чтоб всякий сказал какое-нибудь желание. Очередь пала на младшего: это был учитель русского языка, он пожелал тебе привыкнуть пить воду, с тем однакоже условием, чтобы доказал que l'esprit qui régné dans tes vers n'est pas l'esprit du vin. Словцов пожелал богачу-антагонисту, чтобы его дети с тобою сравнялись; один из гостей—чтоб ты вечно писал; другой—долгой жизни. Словцов заметил, что долгая жизнь великим умам несвойственна,—им надо желать благодарного потомства. Наконец, классик пожелал, чтоб все тебя уважали, но по справедливости ценили твои сочинения. Итак мы все пили за здоровье гения-писателя, даже я, пьющий одну воду.

Это письмо—как доказательство не токмо того, что и в глубине России, на границах Европы с Азией, есть просвещение, но и того, что степень сего просвещения довольно значительна, чтобы люди могли и умели ценить таланты,—должно быть для тебя и для всякого русского занимательно».¹

Много сведений о Сибири Пушкин получил из романов И. Т. Калашникова, богатых этнографическими и диалектологическими материалами этой страны; сам автор недаром называл их «первым сибирским романом» и ставил целью «знакомить своих читателей с Сибирью». Все три своих произведения, а именно: «Дочь купца Жолобова, роман извлеченный из Иркутских преданий». СПб., 2-ое изд., 1833 г. (опис. Л. Модз.); «Камчадалка» СПб., 1833 г. (опис. № 172) и «Изгнанники. Повесть», СПб. 1834 (опис. Л. Модз.), автор сам подарил Пушкину. Первые две повести Калашников послал Пушкину со следующим сопроводительным письмом от 28 марта 1833 г.:

«Милостивый государь Александр Сергеевич! За все те приятные минуты в жизни, какими я наслаждался, читая

---

¹ Сочин. Пушкина. Изд. имп. Акад. Наук. Переписка. Под ред. и с примеч. В. И. Сантова—т. III. (1833—1837) СПб, 1911, стр. 212—213.

Ваши превосходные творения, делающие честь делу и нашей литературе, не имея возможности заплатить тем же, я решаюсь поднести слабые труды мои, и покорнейше просить Вас, принять их, по крайней мере, за знак глубокого моего уважения к Вам, которое навсегда сохранится в моей душе».¹

Ответное письмо Пушкина было затеряно родственниками Калашникова и до нас дошел лишь полустершийся черновик его, сохранившийся в бумагах поэта. Пушкин благодарит Калашникова за письмо и за книги. Он присоединяется к «беспристрастному» мнению критики, восхваляющей эти романы и находит в них «много таланта». О романе «Дочь купца Жолобова» он пишет: «Ни одного из русских романов не прочитывал я с большим удовольствием.—Камчадалка не ниже вашего первого произведения». Говоря о том, что часть читателей «полюбила вас и с... (слово стерлось) и радушием приняла обе Ваши пиесы», Пушкин старается успокоить Калашникова относительно резкой оценки «Камчадалки», данной Н. А. Полевым (в «Московском Телеграфе» 1833 г. ч. 50, № 6). Он пишет, что Полевой, как писатель, не талантлив; как историк не имеет «никакой учености»; как критик—впадает в ошибки и противоречия. «Романа его «Клятва при гробе господнем» я не читал, но судя по его Истории, знаю, как он должен быть ниже Камчадалки и Дочери Жолобова». Повидимому, Пушкин оценил в Калашникове верность и правдивость изображения им Сибири, основанные на хорошем изучении этого края. Судя по письму Пушкина, он знал и ряд отзывов об этих романах в различных периодических изданиях.² С отрывками из этих романов Пушкин был зна-

¹ См. Пушкин. Изд. «Литературное наследство» № 16—18 1934 г., стр. 599.

² О «Дочери купца Жолобова»: «Моск. Телеграф» 1832, ч. 43; «Телескоп» 1832, ч. VI, № 3; «Сев. Пчела» 1832 г. № 4, 141, 233; «Лит. Прибавл. к Русск. Инвалиду» 1832 г. № 32.

О «Камчадалке»: «Отеч. Записки» 1833 г. т. XXVI; «Молва» 1833 г. № 49; «Моск. Телеграф» 1833 г., ч. 50 № 6; «Русск. Инвалид» 1833 г. № 72 и 125; «Сын отечества» 1833 г., т. 160; «Сев. Пчела» 1833 г., № 60. «Лит. Газета» 1833 г. № 47.

ком, конечно, и ранее, также из газет и журналов, где они печатались.¹

О словах в письме Пушкина по поводу его романов, Калашников вновь вспоминает в предисловии к своему новому роману «Изгнанники» 1834 г., возражая на критику Н. А. Полевого.

О повести Калашникова «Изгнанник» Пушкин, вероятно, читал рецензии в «Молве» 1834 г. № 2; «Сев. Пчеле» 1834 г. № 70; «Библи. для Чтения» 1834 г. т. 3 № 3.

Возможно, Пушкин читал и «первую сибирскую повесть», которая была «знаменем литературного восстания сибиряков»²—коренного сибиряка Н. А. Полевого «Сохатый», основанную на сибирских преданиях о разбойнике Сохатом и напечатанную в альманахе «Денница на 1830 год» (опис. Л. Модз.), но отзыва о ней в письмах и статьях Пушкина нет, да и вряд ли этот отзыв мог быть положительным, принимая во внимание острую враждебность их позиций.

В библиотеке Пушкина были и книги «Поездка в Якутск» СПб., 1833 г. и «Посельщик. Сибирская повесть» СПб., 1834 г., Н. С. Щукина—краеведа, главным образом, этнографа и экономиста, а вместе с тем, члена иркутского литературного кружка, подражателя, в своем художественном творчестве, Н. А. Полевому и И. Т. Калашникову. Пушкину должны были быть известны и его статьи о Сибири в «Московском Телеграфе», «Северной Пчеле» и др. журналах, большей частью, подписанные инициалами «Н. Щ.». Неизвестно, была ли у Пушкина третья книга Щукина «Ангарские пороги. Сибирская бэль» СПб., 1835 г., но, вероятно, он читал рецензии о ней в «Библиотеке для Чтения» 1835 г., т. 9, № 9; в «Моск. Наблюдателе» 1835 г., ч. I; в «Молве» 1835 г. т. 9 № 13 (Белинского); в «Сев. Пчеле» 1835 г. № 32. В своем «Письме из Иркутска», напечатанном в «Северной Пчеле» за 1828 г. № 3, рассказывая о культурности местного купе-

¹ Отрывки из романа „Дочь купца Жолобова“. „Моск. Телеграф“ 1831 г. ч. 42, № 23; „Сев. Пчела“ 1831 г. №№ 204, 205, 206, 273, 274, 275.

² Отрывки из „Камчадалки“. „Сев. Пчела“ 1832 г. №№ 202, 203, 204 и, 1833 г. №№ 37, 38, 39.

чества, Щукин писал. ⁴ «В этой дикой и холодной стране удивляются стихам Пушкина и читают Гомера».

Ссылка любимых друзей, оказавшихся в числе декабристов, на каторгу в Сибирь, заставила Пушкина обратить внимание на этот край, а письма некоторых декабристов доставляли ему известия об этой далекой и неведомой стране. Так, до нас дошли письма В. К. Кюхельбекера, в одном из которых, из Баргузина от 12 февраля 1836 г., он довольно подробно описал свои впечатления «о Забайкальском крае или Даурской Украине», ее жителях и языке их; в своем стихотворении к лицейской годовщине «19 Октября», приложенного к письму Пушкину от 18 октября 1836 г. из Баргузина, Кюхельбекер также говорит о Сибири. Пушкин знал также полуэтнографические, полубеллетристические очерки «Сибирские нравы. Исых», А. А. Бестужева-Марлинского, стих. его «Саатырь Якутская баллада» и, в особенности, «Письмо к доктору Эрману», напечатанное в «Московском Телеграфе» 1831 г. № 17, заключающее в себе верное и живописное описание пути от Иркутска до Якутска. Вероятно, он читал также и балладу на якутскую тему «Нуча», напечатанную тоже в «Московском Телеграфе» и вызвавшую целое цензурное дело.

Много статей о Сибири мог Пушкин прочесть в журналах второй половины 20-х и, особенно, 30-х годов («Московский Телеграф», «Отеч. Записки» и мн. др.). Некоторые из них мы отметили попутно рядом с именами их авторов, указания других можно найти в любых библиографических справочниках о Сибири, тем более, что книги в описях журналов библиотеки Пушкина ни в какой мере не могут считаться равными составу их в библиотеке Пушкина при его жизни.

Попытки наметить круг чтения Пушкина о Сибири на основании описей сохранившихся книг в библиотеке Пушкина нельзя признать исчерпывающими—более пристальное изучение его библиотеки и более точное установление

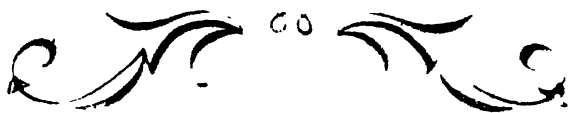
---

⁴ См. предисловие к книге Н. Щукин «Ангарские пороги» СПб. 1835 г.

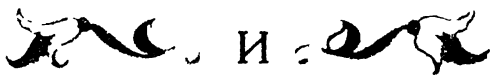
книг, бывших в его библиотеке, могли бы дать более точные указания на интерес Пушкина к Сибири.

Однако, наличие на его книжной полке достаточного количества специальных книг о Сибири, желание его написать историческую поэму об Ермаке, статью о книге Шаппа д'Отроша, работу об открытии Камчатки, свидетельствуют о том, что у Пушкина был интерес не только к народам юга, но и к народам севера.

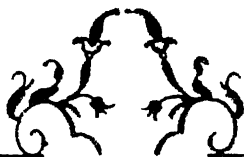

А. С. ПУШКИН

СИБИРЬ

МОСКВА 1937 ИРКУТСК
ВОСТСИБОБЛГИЗ